

А.А. Крушинский
ИКСА РАН

ЛОГИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ЛОГИКИ НАМЕРЕНИЙ: СМЕРТЕЛЬНОЕ «ПАРИ» ГУАНЬ ЮЯ С ЧЖУГЭ ЛЯНОМ

Аннотация. Выявляется и анализируется концептуальная подоплека поразительной словесной «дуэли убеждений» между двумя центральными персонажами «Троецарствия» (*Гуань Юем* и *Чжугэ Ляном*). Конфликт спровоцировала категоричная претензия гениального стратега на лучшее чем у самого *Гуань Юя* знание *Гуань Юя*. Вопреки письменно подкрепленным заверениям последнего, прозорливец провидчески предсказал, что непревзойденный мастер клинка в ходе прямого боестолкновения с противником (*Цао Цао*) пойдет на попятную и вместо того, чтобы захватить врага, вдруг отпустит его.

То, что на первый взгляд может показаться банальной психологической коллизией чувства и долга, на проверку оказывается драматическим столкновением двух значений одного и того же иероглифа «справедливость» (義 и): «справедливое» как «должное» против «справедливого» в смысле «конвенционально-условного» (или вовсе «заемно-фальшивого»).

В этом противостоянии «логики обстоятельств» и «логики намерений» непрекращаемая принудительность арифметического формализма, фундаментальная «справедливость» понимаемую как должное/задолженность, предсказуемым образом побеждает лишённую формальной строгости логику вербальных обязательств.

Ключевые слова: логика обстоятельств, логика намерений, справедливость, стратегемная логика.

Andrei A. Krushinskiy
ICCA RAS

The logic of circumstance versus the logic of intentions: Guan Yu's deadly “bet” with Zhuge Liang

Abstract. The conceptual background of the amazing verbal “duel of beliefs” between the two central characters of the “Three Kingdoms” (Guan Yu and Zhuge Liang) is revealed and analyzed. The conflict was provoked by the categorical claim of the brilliant strategist for the best knowledge of Guan Yu than that of Guan Yu himself. Contrary to the assurances of the latter, backed up in writing, the seer prophetically predicted that the unsurpassed master of the blade in the course of a direct clash with the enemy (Cao Cao) would back down and, instead of capturing the enemy, would suddenly let him go.

What at first glance may seem like a banal psychological collision of feeling and duty, in fact turns out to be a dramatic clash of two meanings of the same hieroglyph “justice/fair” (義): “fair” as “due” versus “fair” in the sense of “conventional nominal” (or even “borrowed-false”).

In this confrontation between the “logic of circumstances” and the “logic of intentions”, the indisputable coercion of arithmetic formalism, which grounds “justice”, understood as due / debt, predictably wins over the devoid of formal rigor logic of verbal obligations.

Keywords: logic of circumstances, logic of intentions, justice, stratagem logic.

Отличительная примета стратагемной логики Древнего Китая — это прогностическая форма логического вывода. Высокохудожественной иллюстрацией последнего может служить представленная в романе «Троецарствие» драматическая история своеобразного «пари» между гениальным стратегом Чжугэ Ляном и великим воином Гуань Юем. Ставки высоки и весьма неравноценны: если для первого проигрыш означает провал спланированной им операции по захвату Цао Цао, то второй ставит на карту свою собственную жизнь.

Цао Цао, отступая после поражения у Красной скалы, должен угодить в силки, расставленные для него Чжугэ Ляном. Интрига в том, что первоначально Чжугэ Лян, памятуя о благодеяниях, оказанных Цао Цао Гуань Юю, отстраняет последнего от участия в операции. Основанием служит его непоколебимая убежденность в том, что, пленив Цао Цао, в свое время благодетельствованный им Гуань Юй, непременно отпустит своего благодетеля. Уступив настояниям героя, но взяв с него письменное обязательство в случае неисполнения приказа безропотно принять наказание по законам военного времени, прозорливец все же рискнул возложить на непревзойденного мастера клинка ответственную миссию.

В «дуэли» двух противостоящих друг другу убеждений вполне понятна уверенность в себе прославленного своей исключительной преданностью долгу «мужа справедливости» (義士 и ши). Вдобавок, кто может знать человека лучше, чем он сам? Напротив, весьма удивительна убежденность в обратном командующего, категорически усомнившегося в верности воинскому долгу своего подчиненного, и тем самым самоуверенно претендующего на лучшее, чем у самого Гуань Юя, знание Гуань Юя. Но дело в том, что речь тут идет вовсе не о психологических загадках противоречивой души отчетливого рубаки. Имеет место любопытнейшая логическая коллизия: столкновение «логики намерений», отсылающей к нормативности обязательств (иначе говоря, к деонтической логике), с фатально недооцененной Гуань Юем логикой, сложившихся вокруг него обстоятельств игры в «справедливость» (義 и). Если в первом случае логика — это не более чем вербально оформленный (напр., клятвой побратимства) юридизм без претензий на формализацию, то во вто-

ром — она уже фундируется расположенным на стыке геометрии и арифметики/алгебры гексаграммным формализмом («Справедливость устанавливается в пятой [позиции гексаграммы № 2] 義立于五» и *ли юй у*) [Ли Даопин, 135]. В последнем случае принудительность формально-логического вывода реализуется в виде неоспоримой справедливости подсчетов баланса между дарением и отдариванием, по-бухгалтерски сводящих «дебит с кредитом» в символическом взаимообмене дарами. Именно непреложность законов арифметики позволила виртуозу стратегатики заранее просчитать/продедудировать неизбежность итоговой победы логики справедливости в смысле «долга» над логикой справедливости, понимаемой как «номинально-конвенциональное и внешне заимствованное», в смертельном «пари» Гуань Юя с Чжугэ Ляном.

Библиографический список

Ли Даопин. Чжоу И цзицзе цзуаньшу: [Чжоу И со сводом толкований на собрание разъяснений к Чжоу И, принадлежащее Ли Динцзо]. Тайбэй.: Вэнхай чубаньшэ. Т. 1. 1967. С. 544.